

ДОСТУПНОЕ ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

**Остановить воспроизводство полуграмотных поколений
может технологическая реформа**

Евгений Куркин

В российской действительности последних пятнадцати лет обнажились противоречия, которые вызывают такой резонанс в обществе, что вместо продуктивной дискуссии — конфронтация и полное непонимание друг друга. Одна из болезненных тем — бесплатное образование.

Экс-министр образования академик РАО Э. Днепров в пылу полемики с министром образования и науки А. Фурсенко утверждает: «Они (либеральные фундаменталисты, термин Днепров. — *Е.К.*) стремятся вбить в общественное сознание предельно ложное представление, что бесплатного образования не бывает. Говоря словами министра образования и науки А. Фурсенко, «за образование платят либо государство, либо бизнес, либо сами обучающиеся». В подобных утверждениях — или элементарное неведение, или демагогия, или прямой циничный обман, ибо во всём мире вот уже более двухсот лет бесплатным называют образование, за которое платит государство». (*Э. Днепров. Общество вне реформы. НО. 2005. № 7*)

Образование — всеобщее благо для общества, государства и личности. Но не все заинтересованные стороны в достаточной мере чётко определили, за что в образовании и за какое образование они готовы платить. Идейные сторонники бесплатного образования воспринимают его финансирование из бюджета как некую льготу, завоевание трудящихся и отстаивают его неприкосновенность. Другие в тени бесплатных образовательных услуг организовали «чёрный рынок», сохраняя бесплатные услуги как «крышу». Они-то чаще всего и выступают от имени образовательного сообщества, создавая впечатление, что мнение профессионалов на стороне бесплатного образования. На самом деле это не так. Специалист, профессионал, понимающий и принимающий беды современного образования, не может возражать ни против частных, но честных в него вложений, ни против изменений позиции государства и определённого разгосударствления системы. Он знает: как это ни огорчительно, бесплатного образования не бывает, вне зависимости от того, как его называют. Бесплатным, как известно, бывает только сыр в мышеловке. В погоне за бесплатным образованием в эту мышеловку мы, похоже, и попали.

Как специалист, не скажу, что советское образование было самым лучшим. По ряду показателей оно отличалось от европейского того же времени, отставало от него. Сейчас мы отстаём лет на пятьдесят, не меньше, думаю многие специалисты с этим согласятся.

Мы не смогли перестроиться в начале 90-х, пятнадцать лет назад. Бесплатное образование, медицинское обслуживание, армия, массовые льготы громадной страны нависли над бюджетом, уменьшившимся до португальских размеров. Такому бюджету государственная машина образования, унаследованная от Советского Союза, стала явно не по карману. Показательны в этом смысле дебаты по бюджету 1995 года. Образовательные ведомства запросили для обеспечения функционирования 24,6 триллиона рублей. Минфин соглашался на 7,9. Разница разногласий составляла 16,7 триллиона! В конечном счёте расходы образования в 1995 году были запланированы в объёме 8,9 триллиона рублей. Отрасли недодали 15,6 триллиона,

то есть 63% от запланированной реальной суммы.

Но вот что поразительно: вместо того чтобы концентрировать весьма ограниченные бюджетные ресурсы на направлениях, традиционно финансируемых государством в развитых странах, правительство стало распределять средства на уровне нищенских пайков, но поровну. Тарифная сетка оплаты труда окончательно возвратила всю бюджетную сферу во времена уравниловки времён военного коммунизма. В то же время существовал альтернативный путь, который, к сожалению, даже не обсуждался. В разгар тех событий автор статьи, будучи заместителем министра образования, в сентябре 1992 года поручил специалистам просчитать вариант концентрации средств на определяющих направлениях. Получалось, что без существенных потерь, за счёт внутреннего перераспределения средств, можно было увеличить реальное финансирование этих направлений в 2–2,5 раза и тем самым сохранить для отрасли и государства определённый уровень качества образования, кадры, традиции, честь и совесть системы. Но чтобы принимать нестандартные решения, необходимы особые качества и политическая воля. Ни того, ни другого у правительства тогда не было.

Министерство направило свои усилия в прямо противоположном направлении: мораторий на приватизацию объектов образования, блокирование закона о разгосударствлении. «Главная моя задача — сохранить систему неприкосновенной», — утверждал министр образования Е. Ткаченко. За годы его руководства из отрасли незаконно выведено 20 тысяч детских садов, сотни средних профтехучилищ. В конечном счёте ликвидировано и само министерство, которое возглавлял Е. Ткаченко. Процесс этот продолжается, и к сегодняшнему времени отрасль потеряла около 40 тысяч детских садов — половину фонда, 6 тысяч школ и профучилищ.

Государство не в состоянии и не обеспечивает систему, и ничего не меняет в ней. В условиях так называемого плё-

ночного финансирования (это когда денежные ресурсы распределяются тонкой плёнкой, не позволяя образовательной системе погибнуть окончательно, но и не давая жить) образование существует вот уже пятнадцать лет. Состояние между жизнью и смертью в медицине называется комой. Система образования — в пятнадцатилетней коме...

Возникло явление, которое позже назовут самовывживанием. В этих условиях актуализируются те тенденции, которые способствуют повышению устойчивости, даже в ущерб целям и миссии образовательного учреждения. Полуразрушенная система, самоорганизуясь, борется за собственное выживание. В этих условиях «образование абстрагируется от реальных потребностей страны» (Концепция модернизации). В результате систематического недофинансирования государственного сектора образования на складывающемся рынке услуг цены на образование оказались ниже его реальной стоимости. Государственная политика, или её отсутствие, спровоцировала своеобразный демпинг, что незамедлительно сказалось на качестве услуг. Дешёвое образование не могло быть качественным, а любое изменение качества в сторону улучшения требовало дополнительной оплаты.

Плата за качество образования своевременно не была легализована. В стране, привычной к теневым отношениям в экономике, сформировался «чёрный» рынок образовательных услуг. При этом демпинг в государственном секторе влиял на формирование цены и в возникающем частном секторе.

Таким образом, последние пятнадцать лет не изменили ситуацию в образовании к лучшему, а привели кризисные процессы конца 80-х годов прошлого столетия к их логическому завершению. Самым существенным и беспрецедентным стало падение качества образования. Мышеловка бесплатного образования захлопнулась, всё, что можно было сделать для разрушения образования, сделано.

А что дальше?

Государство и образование

Российское государство под давлением прокоммунистического лобби и нуворишей от образования пытается сохранить монополию на производство большей части образовательных услуг, характерную для советских времён, хотя возможностей и необходимости для этого у государства нет.

В то же время сохранение определённых социальных благ якобы бесплатными, одним из которых является бесплатное образование, остаётся для правительства рычагом регулирования социальной напряжённости как условия проведения непопулярных социальных реформ. В данном случае правительство жертвует интересами образования, сохраняя «бесплатные» услуги и низкий уровень финансирования образования, а вместе с тем и своеобразный демпинг, ведущий его к самоликвидации. Наличие громадной общегосударственной метасистемы, до сих пор сохраняющей высокий уровень централизации, не является благом для образования. Эволюция проблемы качества напрямую связана с излишним присутствием государства в образовании. Государственная система, и это мировая тенденция, всегда и везде (вспомним французский опыт) оторвана от реалий жизни, не способна соответствовать требованиям времени.

Это особенно очевидно на примере профессионального, в том числе и высшего, образования. Работодатели в России с советских времён привыкли, что диплом о высшем образовании и квалификация специалиста — это разные вещи. Они безропотно выращивают работников из дипломированных специалистов, закончивших вузы, затрачивая на это больше, чем институты. Поэтому диплом сегодня ничего не значит, как и те знания, которые по идее он должен обеспечивать. Полное и даже циничное пренебрежение качеством образования — результат его обесценивания как в прямом, так и в переносном смысле.

А если дипломы нескольких институтов в стране ещё чего-то стоят, то за ними выстраиваются очереди...

Государственное качество

Излишнее присутствие государства в образовании сковывает инициативу. Несмотря на попытки увеличить самостоятельность образовательных учреждений, реального эффекта не достигнуто. Являясь элементом государственной инфраструктуры, образовательное учреждение подвергается воздействию надсистем и их управляющих структур, которые продолжают осуществлять диктат, характерный для иерархической централизованной системы. Это, с одной стороны, ограничивает свободу школ, выбор вариантов развития, а с другой — повышает их устойчивость и выживаемость. Создаётся ситуация, когда сами учреждения образования заинтересованы в сохранении иерархической системы и бояться свободы.

Устойчивое состояние учреждений общего образования достигается путём перераспределения ответственности за результаты деятельности. Школа, в которой основные переменные учебно-воспитательного процесса (планирование учебного времени, содержание образования, средства обучения, образовательные технологии, подготовка и переподготовка кадров и т.д.) находятся вне пределов её влияния, не может, например, изменить учебную нагрузку по базовым предметам, оплатить переподготовку кадров там, где сочтёт нужным, даже закупить учебники. Поэтому она не может в полной мере нести ответственность за итоги педагогической деятельности, что, в свою очередь, в значительной степени как бы избавляет её от такой ответственности перед социальной средой.

Социальная среда, являясь носителем образовательного заказа, на основе которого определяются образовательные цели каждой школы, в конечном счёте выполнить свою функцию не может

и оказывается не у дел. Родители — заказчики образовательных услуг, находящиеся в микрорайоне деятельности учреждения образования, обращаясь в школу, на самом деле вступают в отношения с абстрактной для них государственной системой. Если, например, говорить о заключении договора, то школа не сможет гарантировать качественные услуги конкретному ребёнку, не сможет в существующих условиях обеспечить ту же индивидуальную траекторию обучения — всё это вне её компетенции. Отсутствие заказчика и его неформальных организаций (родительских ассоциаций, клубов, советов), способных воздействовать на систему с позиций собственной активности, формализует общественную составляющую отношений в образовании и вокруг него. Существовая в рамках жёстко организованной метасистемы образования и не имея реального заказчика услуг, учреждение образования ограничивается в возможностях собственного развития. Его устойчивость и выживаемость, оценка деятельности, поощрения и награды зависят только от руководства вышестоящих систем и определяются вхождением в метасистему, она же выполняет роль заказчика. В этих условиях развитие организации возможно лишь совместно со всей метасистемой образования. В такой ситуации игнорируются территориальные особенности, а также запросы потребителей услуг. Деятельность педагогических систем учреждений образования всё более формализуется, они отрываются от реалий социальной среды, качество образования падает.

Многоликая, интенсивно дифференцирующаяся социальная среда сегодня ожидает ответного движения систем образования в сторону дифференциации учащихся, специализации институтов, интеграции управления процессом образования, сетевого взаимодействия институтов образования. В то же время становится очевидным, что ожидания среды в обозримом будущем неосуществимы...

В условиях иерархических систем сетевое взаимодействие затруднено. Зато развивается унификация учреждений и организаций. Сегодня под разными наименованиями существуют практически не различающиеся по сущностным основаниям образовательные учреждения.

Их взаимодействие в границах государственной централизованной системы не обеспечивает необходимого уровня качества образования, так как унифицированная система не может учитывать множественность особенностей учащихся, контролировать переменные, которые и являются механизмом такой индивидуализации. Ситуация усугубляется существующим разрывом между целями государственного образовательного учреждения, направленными на устойчивость и выживание, и целями среды, направленными на образование. Среда не имеет механизмов влияния на педагогическую систему, поэтому и не может предъявить свои требования к качеству образования. Возникает парадокс, в условиях которого наше образование существует уже не один десяток лет: педагогическая система образовательного учреждения безразлична к качеству образования...

Альтернатива в образовании

Что может предпринять централизованная бюрократическая структура в условиях государственной монополии на образование для повышения его качества? Конечно же, очередное усиление контроля, что и пытается сделать правительство, сформировав специальный орган: государственную службу по контролю в образовании. Может, и нужна такая служба, но рассчитывать на изменение к лучшему не приходится. Сущностные перемены потребуют глобальных действий. Пора по-настоящему посягнуть на монополию государства в образовании. Вспомните, как мы мечтали о государственно-общественном управлении, об открытом образовании. И что? О какой

открытости можно говорить в условиях корпоративно-мафиозного государства, которое сформировалось на обломках СССР? Какая открытость там, где повсеместно делят чёрные деньги! Мечтать не вредно, но реально управляет тот, кто платит.

Чтобы построить цивилизованные отношения в образовании, необходимо разработать механизм открытого участия всех заинтересованных сторон в финансировании образования на всех его этапах. Только тогда заработают механизмы общественного контроля, в том числе и за качеством образования. Не точечного контроля, который осуществляет государственная служба, а повсеместного, тысячеглазого, по-настоящему заинтересованного, поистине — независимого.

Без участия в финансировании образования всех заинтересованных сторон невозможно решить вопрос о мотивации учительского труда. Что бы мы ни принимали, а при такой нищенской зарплате существенные изменения в образовании невозможны.

Открытость — это информация. С тех пор как в образовании запретили соревнование и конкуренцию по причине очковтирательства и процентомании, мы практически не имеем информации о качестве образования, её свели к числу медалистов, хорошистов и участников олимпиад. Оказалось очень удобно, тема закрыта и никаких проблем! О том, что это удобно для монополиста, свидетельствует сопротивление министерства, которое вот уже пятнадцать лет противится созданию независимой службы диагностики, предусмотренной Законом РФ «Об образовании» ещё в 1992 году.

Поддержим негосударственный сектор

В силу своих особенностей образование как товар может производиться и частными предпринимателями. Норма прибыли на частные инвестиции в образо-

вание может быть достаточно высокой, чтобы привлечь капиталы. В то же время плата за услуги в этом секторе образования зачастую очень высока. Поэтому негосударственный сектор у нас ассоциируется с элитным образованием. А жаль. Многие энтузиасты, талантливые организаторы образования пытались бежать от недремлющего ока государственной системы и организовывали частные школы совсем не для выколачивания сверхприбылей, а для реализации своих педагогических замыслов. Они не выдержали конкуренции по той простой причине, что не могли повышать плату до уровня элитных школ, а платить арендную плату, все другие поборы с частного предприятия оказались не в силах.

Цивилизованное государство должно с трепетом и любовью относиться к подобным начинаниям, а энтузиастов носить на руках. Подушевое финансирование призвано уравнивать частные школы в правах на получение государственных ресурсов. А потерянные 40 тысяч дошкольных учреждений, если их вернуть в образование, сполна обеспечат помещениями негосударственный сектор образования. Плату в негосударственном секторе образования за счёт государственной поддержки необходимо сделать доступной для семей со средними доходами и увеличить количество таких школ в десятки раз. Для этого необходимо преодолеть синдром недоверия к негосударственному сектору. Обыватель ожидает, что государство, являясь гарантом качества всех товаров и услуг, сможет обеспечить качество образования в большей степени, чем частные предприниматели. Эти ожидания характерны для постсоветского общества, которое испытывает недоверие к частному капиталу.

В европейской традиции государство сохраняет некий баланс между государственным и частным секторами образования. Считается, что основная роль государства в том, чтобы обеспечить

равный доступ к образованию всех социальных слоёв и групп населения. Оно должно финансировать все уровни и типы подготовки для тех, кто хочет и способен воспользоваться ими, но не может заплатить.

Для России много существеннее сегодня развивать частный и негосударственный секторы в образовании. Для создания сети негосударственного образования необходима серьёзная государственная поддержка на уровне национального проекта.

Доступное образование или самообман?

Наше образование почему-то считается доступным, наверное потому, что его доступность определяется расстоянием от дома до школы, наличием школьного автобуса и интерната, при единственной на весь сельский район средней школе. А вот насколько доступно его содержание непосвящённому в школьные премудрости детскому сознанию, насколько соответствует природе детской психики — об этом мы никакой информации не имеем.

Общеизвестно, что централизованные, иерархические системы отличаются закрытостью. Информация об их деятельности недоступна обществу, искажается для того, чтобы улучшить показатели отчётов перед вышестоящими инстанциями. Ярким подтверждением этой тенденции является ситуация в основной школе, существующая десятилетия. Официальная статистика за 2005 год констатировала, что 12 339 подростков — учеников 5–9-х классов не получили образования соответствующего уровня. Зная реальное состояние дел, можно с уверенностью утверждать, что этот показатель сильно занижен. Из опыта последних десятилетий известно: реальное количество подростков, не усваивающих материал основной школы, колеблется от 30 до 40% от контингента учащихся.

О том, что положение не изменилось, свидетельствуют последние международные исследования TIMSS. В результате этих исследований установлено, что 24% учащихся 4-х классов начальной школы владеют только отдельными базовыми знаниями или не владеют даже ими. Иначе говоря, не получают образования соответствующего уровня. К восьмому классу таких учащихся уже 34%. Следовательно, в 2005 году, при общем количестве учащихся 5–9-х классов 5 млн 969 тыс. 079 человек, образование соответствующего уровня не получали около двух миллионов подростков!

Кроме того, по статистике МВД, систематически публикуемой в средствах массовой информации, более 2,5 миллионов детей и подростков являются безнадзорными и бродяжничают. Понятно, что эти дети не значатся в школьных журналах и никакого образования не получают. Если к 2 миллионам, не получающих образования соответствующего уровня, но посещающих школу, прибавить 2,5 миллиона, не получающих никакого образования и не посещающих школу, то получается 4,5 миллиона. Почти Санкт-Петербург!

Даже если эта статистика является лукавой, она свидетельствует о том, что половина детей соответствующего возраста не получает обязательного основного образования, являющегося конституционной нормой. Учитывая, что через основную школу проходит практически все население страны, можно предположить, что за десятилетия такой ситуации без образования остались десятки миллионов наших молодых сограждан.

Каким образом такое грандиозное очковтирательство становится возможным, по умолчанию знают все, кто работает в основной школе. Учителя понимают, что оставлять на повторный курс не имеет смысла. Просто не успевающий превращается в не посещающего и склонного к правонарушениям. В то же время обучать качественно всех в условиях традиционных (а теперь

и в условиях инновационных) технологий мы не умеем.

Какое-то время ситуация в образовании не приводила к глобальным последствиям. Власть и общественность не замечали, что половина населения — малограмотные и функционально неграмотные люди. Количество обученных, составлявшее 50—60 % населения, в начале эпохи всеобщего было даже избыточным, а позднее достаточным для потребностей развития общества и государства. Однако пришло время, когда не замечать этого уже невозможно. К примеру, армия, в которой сегодня служат, в основном, не получившие образования, практически неуправляема.

Конечно, не только качеством образования и уровнем образованности населения объясняются существующие контрасты и парадоксы современного информационного общества. Но именно школы одни активно приобщаются к достижениям мировой цивилизации, другие — к антиценностям, постепенно становясь изгоями в реальном мире. Пропасть между мирами расширяется. Если этот процесс не остановить, его последствия могут стать глобальными и непредсказуемыми.

На рынке труда

Во времена плановой экономики 40 % выпускников основной школы направляли в ПТУ. Это как раз те ребята, чьё качество образования было сомнительным. Профтехучилища с учётом ситуации вели обучение массовым профессиям, не требующим большого ума и глубокой общеобразовательной подготовки. Сегодня положение изменилось. Спрос на неквалифицированную рабочую силу удовлетворяется эмигрантами из ближнего зарубежья. Их труд стоит дешевле, работают они добросовестно. Трудоустройство собственной малоквалифицированной и неквалифицированной молодёжи в ближайшие годы станет одной из самых острых проблем.

Ежегодно на рынок труда будет поступать 2—3 миллиона молодых плохо подготовленных и неподготовленных работников. В то же время потребность в кадрах высокой квалификации в традиционных, а также в новых высокотехнологичных отраслях уже сейчас не удовлетворяется. Россия оказалась не готовой к новой роли на международном рынке труда. Чтобы использовать иностранную рабочую силу на неквалифицированных рабочих местах и избежать социальной напряжённости и конфликтов на национальной почве, необходима была корректировка собственной молодёжной политики. Коль скоро этого не было сделано заранее, нужны реформы «вдогонку». Молодым россиянам необходимо дать другое образование и высокотехнологичные рабочие места. Однако сделать это не просто. Молодые люди, для которых основное образование оказалось недоступным, приобрели вместо него отрицательный образовательный опыт. Не имея основного образования, да с таким опытом, они не способны ни продолжать образование, ни получать профессию необходимого уровня.

Уравниловка ведёт в тупик

Чтобы остановить процесс воспроизводства полуграмотных и функционально неграмотных поколений, необходимо прежде всего сделать основное образование государственным приоритетом. Его проблемы носят общенациональный характер, а содержание определяет состояние образования в целом. **Основное образование должно быть доступным в первую очередь, и именно его доступность обеспечить труднее всего.**

Содержание общего образования многокомпонентно, в то же время учебным материалом для всех компонентов являются основы наук. Если ребёнок не проявляет интереса к учебному материалу и не мотивирован на успех в этой области, если обладает какими-либо психофизическими особенностями,

его обучение становится проблемой. А таких, как мы уже знаем, 30–40%. Задавая высокую планку трудности учебного материала, мы обеспечиваем учебный процесс только тех детей, кто проявляет интерес к учёбе, мотивированных на достижения. В то же время количество выпадающих из учебного процесса увеличивается за счёт тех, кого такой уровень трудности отталкивает. Значит, снижая уровень трудности, мы ограничиваем качество образования высокомотивированных детей.

В конечном счёте уровень общего образования определяется в зависимости от целей государственной политики. Большевикское правительство устанавливало высокую планку трудности и осуществляло таким образом селекционный отбор абитуриентов. Наши зарубежные коллеги в развитых странах снижают планку, ориентируясь на демократические принципы доступности основного образования. По традиции с советских времён уровень трудности основного образования в России значительно выше зарубежного, что увеличивает риск его недоступности.

Для тех, кто хочет преодолеть эти противоречия и не ущемлять интересы детей, существует третий путь — дифференциация учащихся и специализация учреждений образования. К сожалению, мы болезненно относимся к любой дифференциации. Нашему сознанию милее уравниловка, даже ведущая в тупик. А ведь дифференциация учащихся позволит использовать учебный материал разного уровня сложности для разных групп детей в соответствии с их возможностями. Кроме того, она создаст условия для технологизации учебного процесса. Только владение технологией позволит учителю в условиях массовой школы добиваться качественного результата и обучать весь класс вне зависимости от личностных особенностей каждого ученика. Сегодня такие технологии в виде идей и даже методических систем существуют, но ещё не готовы

для массового внедрения в школу. Кроме того, отсутствует механизм внедрения. Устарела позиция министерства по отношению к инновациям. В конечном счёте государственная политика в области образования требует существенной корректировки, а это уже задача реформы.

Технологическая реформа в образовании

Зрелое общество и развитое государство, претендующее на роль великой державы, не могут мириться с таким положением, когда половина населения этой державы единственное что может — это читать и писать, к тому же весьма безграмотно. Нельзя сказать, что в других странах, в том числе и крупнейших развитых, с этим все в порядке. Но там количество учащихся, не получающих образование соответствующего уровня, значительно меньше.

Рано или поздно правящая элита осознает значимость этих проблем, поймёт, что научно-техническая революция в XVII веке стала возможна благодаря технологии начального обучения Коменского, технологии всеобуча. Любые значительные изменения в экономике, общественном сознании берут своё начало в школе. Поэтому совершенно очевидно, что мы стоим на пороге новой реформы в образовании, и это будет технологическая реформа.

Приоритетным её объектом должно стать основное образование, которое сегодня определяет состояние метасистемы в целом. Именно там происходят необратимые процессы, влияющие на качество образования всех остальных секторов. В то же время основная школа обделена вниманием органов управления и общественности. Государственная политика в области образования постоянно находится под огнём критики как справа, так и слева. Одни не дают ослабить государственную монополию в секторе общего образования, другие критикуют правительство

за попытки навести порядок в системе всеобща. Само слово «всеобщ» считается чуть ли не неприличным. Может, и есть в таком отношении к весьма полезному делу доля истины, но только по той причине, что делалось это дело, как и многие другие, присущими прежней системе методами и средствами, в наши времена неприемлемыми. И слава богу! Но, учитывая всё, о чём я говорил выше, пора вернуться к всеобщу и наполнить как само понятие, так и способы его реализации другим содержанием. Пора вести речь о технологии основного всеобща — функционального. За время учёбы в школе ребёнок должен быть обеспечен универсальными компетенциями, позволяющими ему продолжить непрерывное образование, получить профессиональную подготовку, нормально функционировать в социуме. Трехсторонняя задача функционального всеобща вполне реализуема. Говоря современным языком — это задача национального проекта в образовании. Суть его — в оказании содействия и помощи каждому ученику в реализации его личностных возможностей в образовании. Это педагогическая поддержка, организуемая в масштабах государства. Результатом этой поддержки должна стать реальная успеваемость всех учащихся. Ни один ученик не должен покинуть школу, не освоив учебные программы по результатам независимой экспертизы.

Реформа будет стоить денег. В то же время если мы хотим получить результат, то не должны ни в коем случае отдавать эти деньги в школу. Нельзя эти деньги отдать и образовательному ведомству. Специальные средства всеобща следует сосредоточить в общественно-государственном фонде всеобща, формируемом за счёт бюджетных ассигнований, а также пожертвований граждан, прежде всего — родителей. Именно независимый фонд всеобща сможет противопоставить узковедомственным интересам министерства свою независимую позицию.

Никому, кроме образовательного ведомства, не нужны липовые отчёты, в том числе и родителям. Именно при региональных и муниципальных организациях фонда, при его непосредственной поддержке возникнут ассоциации родителей. Фонд вместе с родительской общественностью будет призван формулировать тот заказ социума, которого так не хватает излишне централизованной системе образования. Поддержка фонда будет адресной. При этом образование детей, выпадающих из учебного процесса в массовой школе, будет организовано в специальных учреждениях дополнительного образования. Эти учреждения — мини-школы могут быть расположены в тех же школьных зданиях, но они организационно самостоятельны и обеспечены учителями более высокой квалификации. Учителям же массовой школы, овладевшим технологией, позволяющей обучать качественно и с заранее планируемым результатом, при котором помощь фонда не потребует, будет выплачиваться существенное вознаграждение. Постепенно таких учителей будет всё больше, а роль фонда изменится. Наряду с функцией педагогической поддержки отстающих, его заботой станут дети, нуждающиеся в образовании, превышающем базовый уровень. Ведь общеизвестно, что факультативы, кружки дополнительного образования, порою и школьный компонент — всё уходит на дополнительные занятия по базовым предметам. Это так называемое натаскивание.

Игры министерства в компоненты существенного значения для образования не имеют. В гораздо большей степени они демонстрируют школе её несвободу. Если школа, учитывая требования среды, в погоне за качественным образованием захочет распоряжаться учебным временем и получит такое право, она, будьте уверены, перестанет выделять время на второстепенные, неэффективные, а потому ненужные предметы. Именно этого боится наше федеральное министерство.

Но это время неизбежно придёт. И это однозначно хорошо! Хорошо, потому что, получив возможность управлять переменными учебного процесса, школа приобретёт ответственность за его результаты. Наконец-то возникнет механизм постоянного спроса и одновременно контроля за качеством образования. Школе, среде да и самому государству нужно будет, наконец, сформулировать цели и задачи каждого возрастного этапа обучения в соответствии с возрастными особенностями учащихся и перестроить школы в соответствии с этими особенностями. Безвозрастные школы — вопиющий пережиток социализма.

В цепочке общего образования — начальная, основная, средняя школы — самая непонятная роль отводится основной школе, хотя учебного времени у неё более чем достаточно. Технологизация предполагает ликвидацию всех неэффективных звеньев и полную управляемость всех процессов, осмысленность действий. Перестройка основной школы под функциональный всеобуч потребует определиться по отношению к основам наук.

В новом качестве основная школа не может оставаться подготовительным классом средней. Основы наук в ней могут использоваться только как материал, способствующий формированию универсальных компетенций, поэтому все сложности научных истин оставим средней школе вместе с годом учебного времени, а в основной необходимы интегрированные курсы: природоведение, обществознание, словесность, математика — на все четыре года обучения. Эти предметы должны давать общие представления о науках, зато в полном объёме.

Имея представление о науках и собственный опыт общения с ними, не испорченный отрицательным отношением к отдельным предметам, ученик сможет реально выбирать профиль обучения в средней профилированной школе. В ней будет организован второй концентр: основательный — в режиме подготовки к институту.

Средняя школа, имея четыре учебных года (один год передаётся за счёт основной школы, один — добавляется), сможет организовать глубокое изучение основ наук, как того требует высшая школа, с тем, чтобы на этой основе приступать к профессиональной подготовке в высшем учебном заведении.

Болезненно, но необходимо

Реформа образования перешла в разряд болезненных. Понятно, что её осуществление затронет интересы миллионов соотечественников. Но ничего плохого массам такая реформа не несёт. Речь идёт о доступности и качестве образования — кому это может не нравиться? Как ни странно, но сопротивление реформам в образовании оказывает именно сфера образования. И это объяснимо: на рынке услуг сложились определённые правила. Любое их изменение чревато существенной потерей доходов. Поэтому определённое лобби, достаточно организованное, будет сопротивляться любым изменениям, а экспертное сообщество будет активно критиковать любую, даже самую конструктивную идею. В то же время не следует забывать, что уже существуют технологии формирования общественного мнения, обеспечивающие благоприятный фон проведению реформ, в том числе и болезненных. Но — необходимых! **НО**